

Всё чаще этой весной,
Перешагивая через
«Я тебя люблю!» на асфальте,
Думал:
— Наверное, что-то случилось,
Наверное, что-то хорошее,
Наверное, с нами.

Мои дети не были в цирке.
Откуда они узнают,
Что люди умеют летать,
Что слёзы бывают от смеха,
Что чудо — это не йогурт?

Крался кошкой
С очередной прекрасной незнакомкой
В поисках новых нервных окончаний
Мимо еле-шестиметровой кухни,
Где дрожал от страха старенький холодильник.
А по утрам, закулив кофе с сигаретой,
Пользуясь всем, что осталось от ночи,
И немного краской,
Переписывал жизнь по-своему,
Чтобы оставаться не таким, как все.

Осень затаилась на подоконнике
Маленьким зеркальцем,
Забытым женщиной.

Пустила в душу погреться,
А он в грязных ботинках.

В двадцать родила,
В тридцать развелась —
И наступила весна.
Перелистав жизнь, как знакомую книгу,
И не найдя нескольких страниц,
Улетела к морю.
Отогрев на солнце забытое тело,
Обнаружила красивых мужчин,
Которые плавали за ней
И улыбались дельфинами.
А по ночам совершала ошибки,
От которых хотелось жить.

Море разгладило на моём лице
Грустные мысли,
И я увидел, как рыбы целуются осенью
С открытыми глазами.

Массажистка была хороша
И словом, и делом, и телом.
Она вернула ему спину и правую ногу.
Он наконец-то расслабился и вспомнил,
Что было время, когда гнулись все его члены,
Кроме одного.
А потом грустно посмотрел в глаза массажистке.

На последней электричке
От грустных мыслей,
Верных друзей,
Страстных пятниц,
Туда, где с неба падают звёзды,
Жёлтые яблоки
И летние дожди,
Где по утрам рыжие бабы
Пахнут парным молоком
И взрослым детством.

Школа пахла двойкой по русскому,
И твёрдой тройкой по математике.

Родившись в эпоху великого запоя
Под хриплую расстроенную гитару,
Перегнувшись в ночи через кремлёвскую стену
Слушали по «Голосу» музыку наркотиков
И новости «Свободы».
Просыпались в стране «Добрых молодцев»,
«Самоцветов» и «Агдама»,
Чтоб скорее вырасти,
Достать джинсы,
Нажуваться жувачки,
Выпить виски,
И через двадцать лет
Умереть от денег.

Босиком по лужам
В новом костюме
С огромным букетом
Пьяный под дождём
Жениться — навсегда!

Нежно-снежный целовал замёрзшие руки —
И жизнь оттаивала.

Через год позвонила и сказала:
— Давай как-нибудь напьёмся до секса.
И приехала,
И напились,
И голые на кухне болтали ни о чём
В перерывах между — не помню,
Помню только, что было хорошо, как не бывает,
А голые на кухне болтали ни о чём — помню.
Может, это и было сексом.

В ней было столько лёгкости
И недописанной музыки,
Что он поправил время,
Перемешал звёзды,
Ввёл в заблуждение душу
И покормил кошку.

Купил дорогие ботинки,
А правый шнурок всё равно развязывается.
В детстве, играя в футбол, он даже не помнил,
Что у правой ноги есть шнурок.
В третьем классе ему купили
Польские ботинки,
И он сразу вышел во двор.

Когда понял, что произошло,
Было уже поздно.
Мяч влетел в ворота.
А носы ботинок задрались, как у клоуна.
Вечером был ремень и слёзы матери.

Прошли годы...
Он давно не играет в футбол,
И только правая нога начинает болеть,
Когда он видит мяч по телевизору.

Холодный арбуз в натопленной бане
С молодым нелюбовником.
Просто так захотелось — зима.

